

2й раз.

Дневник искусств

Галина Уланова в „Жизели“

Есть спектакли, которые восхищают, волнуют, увлекают. Но есть спектакли, которые составляют подлинные события в истории театра. Это можно сказать о «Жизели» в Большом театре с Г. С. Улановой в главной роли. Подобные спектакли надолго остаются в памяти зрителя как вершина творчества артиста.

Писать о «Жизели» — значит писать об Улановой. Без ее участия чудесный, поэтический старинный балет утратил бы для зрителя больше половины своей волнущей прелести.

«Жизель» — это классика балета. Классика всегда проста, но в этой простоте скрыто нескончаемое количество трудностей для артиста. Уланова преодолевает все эти трудности и создает классический образ, достойный классического произведения.

Многие балерины исполняли этот балет до Улановой. Многих мы видели, о других знаем понаслышке, о третьих читали в мемуарной и критической литературе. Нам не раз сообщали об основных законах, заветных прославленных хореографами прошлого, требующих присутствия в балете «танцевальных образов» и «действенного танца». В «Жизели» Уланова показала полное слияние образа с танцем.

Нет ни одного момента в «Жизели», где бы Уланова вышла из образа, где бы она не оправдала любое свое танцевальное движение. Зритель, следя за ее исполнением, невольно забывает, что перед ним актриса, и видит на сцене только трогательную крестьянскую девушку Жизель.

С первого своего выхода Уланова начинает создавать образ Жизели с присущей ей тонкостью и выразительностью. Ни одна мелочь, могущая характеризовать образ, не опускается артисткой и не пропадает для зрителя. С предельной ясностью выступает весь характер Жизели — резвость ее молодости, мечтательность. Ее первый танец исполнен с беззаботной веселостью. Сцена встречи с Альбертом полна робкого девического кокетства. Артистка три раза тянется за ручкой входной двери своей хижины, пытаясь уйти — первый раз с твердой, целомудренной решимостью поскорее избавиться от непрошенного поклонника, второй раз — в раздумьи, лежизно и нехотя и, наконец, в последний раз — явно кокетничая, без малейшего намерения скрыться.

Сцена гаданья по цветку ромашки абсолютно лишена суеверного чувства. Жизель почти не смотрит на цветок, она и не верит в гаданье и больше мечтает о своей судьбе, чем желает угадать ее. Любовное объяснение с Альбертом на скамейке совершенно по своему выполнению. Оно лишено малейшего жеманства, в то же время Жизель все время не забывает сохранять свое девичье достоинство, и в

замечательный дуэтный танец с Альбертом артистка вносит один из тех тонких штрихов, которыми изобилует ее исполнение танцевальной партии Жизели. Сила высоко на плече своего партнера, она вдруг прерывает свою каноническую балетную позу и с задорной улыбкой смотрит вниз на своего возлюбленного — снова перед зрителем не замечательная танцовщица, а непосредственная, милая Жизель.

Во время появления на сцене герцогини, которой она должна шепнуть на ухо имя возлюбленного, Жизель приближается к ней с юной резвостью, но вдруг, увидав богатый костюм придворной дамы, смущенно прижимает к себе свое скромное платье, чтобы как-нибудь не испортить невиданного, пышного наряда незнакомки. Незабываем момент, когда герцогиня дарит Жизели свое ожерелье. Слово зачарованная, следит Уланова за движением рук герцогини, медленно поднимая взор кверху. Когда ожерелье надето, артистка недоверчиво ошупывает его на себе, словно желая удостовериться, не во сне ли происходит все это.

Знаменитая сцена сумасшествия проводится Улановой с тем тонким тактом и чувством, которые присущи лишь крупнейшим мастерам. Ни одной натуралистической подробности, ни одного лишнего жеста — словом, решительный отказ от всех тех трафаретных приемов, к которым обычно так охотно прибегали многие исполнительницы этой роли в данной сцене. Благодаря этому труднейший игровой момент не выпадает из общего романтического рисунка спектакля, он нарисован теми же красками, как и сам образ. Смерть Жизели вызывает скорбь, но не ужас. Зрительный зал следит за этой сценой, затаив дыхание.

Второй акт балета обычно шел почти как танцевальный дивертисмент. Уланова своим исполнением заставила его звучать, как естественное продолжение первого. Мягкость ее игры в финале первого акта выгодно отразилась на игровых моментах скупого в драматическом отношении второго действия. И в эти игровые моменты артистка внесла свое, новое, «улановское». Мертвая, она оживает, ее возвращает к жизни великая любовь Альберта. Первый танец абстрактен, безжизненен, во втором уже просыпаются человеческие чувства; в последующих — это снова прежняя Жизель, но умудренная своим страданием и своей любовью.

Галина Уланова в «Жизели» пленяет зрелым мастерством и художественным совершенством. И радостно сознавать, что эта артистка наша, русская, возвращенная и взлелеянная своей великой советской Родиной!

Юр. БАХРУШИН.